

когда-то уже слыхаль и этотъ голосъ и самую мелодію. Съ невыразимымъ восторгомъ слухаль онъ эту пѣсню, и наконецъ подъ ея мелодичныя звуки заснулъ съ спокойной счастливой улыбкой на устахъ, какъ нѣкогда ребенкомъ засыпаль на колыняхъ матери, подъ звуки колыбельной пѣсни.

Подкрѣпленный живительнымъ сномъ, онъ на другой день проснулся очень поздно. Его разбудилъ приходъ доктора, который, изслѣдовавши его, объявилъ, что больной внѣ опасности и уже настолько поправился, что можетъ на нѣсколько часовъ одѣться и сѣсть въ кресло. Гнетущее нравственное состояніе, въ которомъ онъ находился отъ сознанія, что онъ въ тюрьмѣ, нисколько не мѣшало его физическому организму наслаждаться волнами свѣта и чистаго воздуха, врывающимися сквозь открытое окно. Онъ все старался припомнить, въ чемъ заключалось преступленіе, за которое онъ посаженъ въ тюрьму.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла прелестная молодая дѣвушка. — «Это вѣроятно вчерашняя пѣвица», подумаль Альфредъ. Ея лицо показалось ему знакомымъ, очень знакомымъ... Онъ пристально сталъ вглядываться въ нее, и вдругъ, точно ужаленный, вскочилъ съ кресла.

— Эльбина! И ты въ тюрьмѣ! Ради всего святаго, объясни мнѣ, что это значить! Но нѣтъ... это невозможно.... Я съ ума схожу!...

Альфредъ въ своемъ волненіи не замѣтилъ, какъ вслѣдъ за дѣвушкой въ комнату вошелъ сѣдой старикъ, въ пасторскомъ платьѣ. Онъ подошелъ къ Альфреду и, ласково взявъ его за руку, сказалъ:

— Успокойтесь, Альфредъ. Эльбина такъ-же мало въ тюрьмѣ, какъ и вы сами. Вы узнали сразу мою дочь, но ваша память еще не совсѣмъ окрѣпла послѣ болѣзни и вы не узнали меня, стараго друга вашего отца, пастора Бэйкса. Вы находитесь въ моемъ домѣ, и пролежали тутъ въ горячкѣ уже больше 10 дней.

И старый пасторъ разсказаль Альфреду, какимъ образомъ онъ очутился въ его домѣ. Ульменгольдъ, получивши самообвиненіе Альфреда, ни на минуту не усумнился въ его честности. Какъ безпорядочная форма письма, такъ и его чудовищное содержаніе, нисколько не согласовавшееся съ характеромъ Альфреда, сразу навели его на мысль, что бѣдный молодой человѣкъ писалъ его въ припадкѣ умопомѣшательства. Онъ объявилъ объ этомъ несчастіи старому Сальдингеру, который немедленно телеграфироваль своему другу, пастору, прося его разыскать Аль-